

Новогодний утренник в школе. 1974

В костюме узбечки
поёт М.В. Ульянова-Калькопф. 1977

Ёлка устанавливалась в середине клубного зала. Ряды стульев расставлялись вдоль стен. Часть стульев служила гардеробом. На их спинках покоились пальто и овчинные тулупы, а под сиденьем, на дощатом полу оттаивали валенки. На оставшихся стульях сидели пожилые сотрудницы больницы и с нескрываемым любопытством оценивали платья молоденьких девчонок да и взрослых не обходили вниманием. Каждый старался для встречи Нового года пошить костюм и платье. В Карамзинке очень уважали новогодние карнавальные костюмы, каждое новогоднее празднество обязательно включало импровизированный бал-маскарад. Молодёжь и дети приходили в самодельных костюмах, которые делались из марли, картона и доступных красителей. Самым популярным для девочек был костюм «Снежинка», а для мальчиков – «Зайчик». Были и другие костюмы: «Красная шапочка», «Доктор», «Гусар», «Медвежонок», «Клоун», «Шахматы», «Арлекино». В период хрущёвской оттепели из Белого Ключа в клуб пришла девушка в костюме «Сноп», состоящем почти полностью из пшеничных колосьев.

В 1950-е годы завклубом был Виктор Дмитриевич Липатов (1915–1999). Когда подходило время покинуть детям и подросткам празднество, он произносил заветную фразу: «Спокойной ночи, малыши!»

После танцев, когда клуб закрывался, веселье продолжалось: по Карамзинке шло гулянье, дети и взрослые катались с Курнавкиной горы (расположена над современной пятиэтажкой – ул. Центральная, дом 9) на санках.

В церкви-клубе Новый год встречали до 1986 года, потом его закрыли из-за угрозы оползня.

Подготовка к Новому году и сам праздник имели огромное психотерапевтическое значение. Даже самые замкнутые больные в эти чудные предновогодние и новогодние дни проявляли активность. За месяц до Нового года оконные стёкла в больничных отделениях раскрашивались, приклеивались снежинки, вырезанные персоналом и больными.

Рачительные сёстры-хозяйки в течение всего года откладывали «бутылочные деньги» на новогоднее празднество. В 1950–80-е годы родственники приносили для больных передачи, в которых позвякивали баночки со сметаной, кефиром, мясным локом и лимонадом. Стеклотару больные не могли сдавать, и она оседала в подсобках сестёр-хозяйек. Когда бутылка становилось много, сестра-хозяйка складывала их в мешки, брала в помощницу сохранный больной, договаривалась о транспорте и ехала в город в пункт приёма стеклотары. К концу года накапливалась существенная сумма. Так деньги в Карамзинке называли «бутылочными», тратили на нужды по благоустройству отделений на праздники.

Сохранным больным полагался новогодний длительный отпуск от 2 до 10 дней. На весь срок отпуск больным давались лекарства. Если больные долго вели себя плохо, то их могли вернуть и раньше.

Для пациентов новогоднее торжество организовывали в больничных отделениях. В эти дни в тёплый больничный воздух, насыщенный миазмами и специфическим запахом лекарств, вторгался смоляно-хвойный аромат молодых сосенок. Больные целый год ждали этого момента, как самое светлое и радостное.

С 1950-х и до середины 1990-х годов пациентам Карамзинки полагались новогодние подарки. Деньги на них выделялись из больничного бюджета. Подарочный пакетик – сначала бумажный, а потом целлофановый – включал крупное красное венгерское яблоко, абхазский мандаринчик, паучья печенья, набор шоколадных конфет, немного карамелек и посыпанных сахаром разноцветных веселых мармеладок. Закупкой и расфасовкой подарков занималась специально утверждённая комиссия. Подарочные наборы комплектовались в старореволюционном пищеблоке, а потом в новом пищеблоке 1970 года постройки. Подарки больным в отделениях раздавали Дед Мороз и Снегурочка. Больные радовались как дети. Они присаживали на кровати и с наслаждением перебирали дары Нового года. Немного перебарив такое счастье, бол

Ёлка в одном из женских отделений. 1971

ные спешили поделиться им с медсёстрами, фельдшерами и санитарями. Каждый больной нёс им конфетку, мармеладку... Ветераны Карамзинки со слезами вспоминают эти трогательные сцены.

Новогодний стол больных имел некоторое разнообразие. В пищеблоке в духовых шкафах готовились фирменные карамзинские подовые пироги с яблочной, капустной и картофельной начинкой. В 1960–1980-х годах стали готовить пироги с начинкой из морской рыбы (минтай или хек). Для больных инфекционных отделений дополнительно готовились блины.

В Великую Отечественную войну и до конца 1940-х годов больные на Новый год и другие праздники просили приготовить им манную кашу. Каша получалась необычайно вкусной. Секрет был в жирном свежем молоке из больничного подхоза и в том, что каша долго варилась в большой кастрюле, потом «доходила» в укутанном виде. На Новый год для стола больных полагались и фрукты в большом количестве, чем обычно. Тем не менее праздничный стол был сбалансирован по калориям – за этим следила диетсестра.

Медперсоналу запрещалось носить яркие украшения, они могли возбудить больных и спровоцировать агрессию. Ёлочные игрушки тоже яркие, но ради праздника делалось исключение. Стекланные игрушки старались не использовать – больные могли ими покалечить себя и других. Правда, ни одного такого случая ветераны Карамзинки не помнят. Больные с трепетом и почтением относились к ёлке, боялись её задеть, никогда не воровали игрушки. Даже если у больных случались припадки ярости, то они начинали драться между собой, но не покушались на ёлку. Она была для них олицетворением домашнего уюта и счастья.

В 1970–80-х годах пациенты научились из трубочек от системы плести рыбок и чёртиков, их вешали на ёлку или просто дарили персоналу.

Ёлка в отделениях стояла до вечера, после отбоя ко сну её убрали. Новогодние мероприятия проводились только днём, чтобы не ломать режим и излишне не возбуждать больных. Ёлка обычно

стояла в столовой или коридоре. Иногда наряженную новогоднюю красавицу переносили из одного отделения в другое.

Персонал больничных отделений готовил для больных небольшое театрализованное представление с Дедом Морозом и Снегурочкой, конкурсами и лотереями. Больные тоже выступали с номерами: пели песенки, рассказывали стихи, показывали простенькие фокусы... За это они получали призы: расчёску, платочек, книжечку... Выступления обязательно сопровождали штатный больничный баянист и массовик-затейник. Иногда больных из женских отделений приглашали на ёлку в мужские отделения и наоборот.

По больнице объявлялся конкурс на лучшую новогоднюю постановку и на лучших Деда Мороза и Снегурочку. По отделениям ходила профсоюзная комиссия и выбирала победителей. Непревзойдённым специалистом по организации новогодних представлений была сестра-хозяйка Эмилия Людвиговна Калькопф (1930–1986). Она делала роскошные праздничные костюмы. Из картона – шляпы и кокошники, из марли – платья, сарафаны и т. п. Марлю для придания синего цвета красила метиленовым синим, а фуксином – в красный. Эти химикаты использовались в медицине как антисептики и всегда были под рукой.

За день до Нового года в лечебно-трудовых мастерских (ЛТМ) для больных из числа передовиков производства организовывалось дополнительное празднество. Приглашённые надевали новые чистые больничные пижамы или спецовки. Элтэмовская ёлка была богато украшена магазинными игрушками и электрическими разноцветными сказочно мерцающими гирляндами. Для больных проводилось представление, непременной частью которого были весёлые соревнования: «Что это?», «Фантику-бантику сделать?», «Кегельбан» и другие. Самое сложное соревнование выглядело так: в тарелке с мукой были спрятаны конфеты, торчали только хвостики обёрток, надо было губами вынуть конфетку. Если при этом вдохнуть воздух, то от муки начиналось чихание, что считалось забавным. В ЛТМ были проигрыватели грампластинок и обширная фонотека с танцевальной музыкой. Больные танцевали, наслаждались праздничной атмосферой и чувствовали себя частью здорового мира.

В карамзинских детском саду и школе Новый год праздновался в форме театрализованного утренника. Родители складывались на сладкие подарки, а на утреннике их торжественно вручали Дед Мороз и Снегурочка.

Прошли годы, теперь всё по-другому. Детский сад, наполненный радостью бытия, переделали в жилой многоквартирный дом, закрыли и снесли школу. От церкви-клуба остались только благородные краснокирпичные стены, а в пустых оконных проёмах волжский ветер насвистывает свои истории. Два одноэтажных больничных корпуса постройки Фёдора Осиповича Ливчака разрушены. В больничных отделениях пациенты уже не ждут Новый год, в Карамзинку он больше не приходит...

Дмитрий Семенов